



На соискание Ленинской премии

ПУТЬ К ЛЮДСКИМ СЕРДЦАМ

ГОВОРЯТ, Азербайджан — земля поэзии. Я сказал бы — и край поэтов, ибо стихи здесь — неотъемлемая часть жизни. И неудивительно, что родина Низами дала Востоку, всему миру столько поэтов.

Богатые литературные традиции для современных азербайджанских поэтов — почетная, но трудная ноша, ведь надо быть не подражателем, но продолжателем. И чудесным сплавом великих традиций прошлого и современности, закаленным в горниле нашей сегодняшней жизни, является творчество Наби Хазри.

У Наби Хазри свой неповторимый поэтический голос с только ему присущими интонациями, свое видение мира и человека в нем. Когда я говорю о его стихах, мне видятся любимые им чинары — соки земли питают их мощные корни, раскидистые кроны. Поэзия Наби Хазри также питается живительными соками народной поэзии, народной жизни, она неотделима от судьбы его республики, Родины. Ведь для настоящего поэта судьба страны становится его личной судьбой. Не биографией, но судьбой.

В наших горах говорят: «Чем больше отдашь людям, тем больше тебе останется». Наби Хазри с щедростью большого таланта дарит читателю все многоцветье своей поэтической палитры, которую время, опыт, мудрая зрелость обогащают все новыми и новыми красками: «Я шел к людским сердцам, как к тысячам планет...», — пишет поэт, и этот путь, нелегкий и долгий, стал для него дорогой жизни.

Стихи Наби Хазри поражают рвущимися из них обостренным чувством личной ответственности поэта за все, чему сопричастен он на земле. Эту характерную в целом для советской поэзии тему Наби Хазри раскрывает с философской глубиной, адресуя свои строки жизни:

Ведь каждому вздохом,
каждою строной
Я — в многомиллионном
поколенье,
Я вместе с ним
пою тебя и строю
И вместе с ним
в твоём грядущем дне
Живу...

И потому с тобою
и после смерти
оставаться мне.

Это строки из книги, названной поэтом лаконично и объемно — «Признания веку», в которой и зрелость прожитых лет, и горячность молодости.

...Я помню первые шаги Наби Хазри в большой поэзии, когда мы вместе учились в Литературном институте. Мы как-то пришли к Самеду Вургуну, и поэт, которого оба мы боготворили, сказал мне: «С хорошим поэтом и хорошим человеком дружишь ты, Расул». Это было первое признание таланта молодого поэта великим учителем и наставником нашим. Прошли годы, и Наби оправдывает это доверие — он остался для меня верным другом и стал любимым, прославленным поэтом нашей страны.

Беззаветно преданный отчужденному краю, влюбленный в музыку родного языка, в изысканную образность восточной лирики, Наби уже в начале своего творчества искал новые пути, новые формы. И нашел их. Чрезвычайно своеобразная и очень точная ассоциативность образного строя его стихов делает их достоянием самых широких читательских масс. Как зримо, например, эти образы:

Земля —
не только соловьи и
росы,
Таинственно природы бытие,
Пойми извивы рек —
ее вопросы,
И горы — восхлициания ее!

Мягкими полутонами, нежностью, за которыми ощущается простор творческого воображения, окрашены лирические стихи поэта. Я говорю — лирические стихи и думаю о том, что творчество Наби Хазри нельзя размежевать в соответствии с хрестоматийными литературоведческими канонами. Ибо в лирике он — гражданин, в гражданской поэзии — лирик. Все его признания в любви — времени, родному народу, матери, возлюбленной — исполнены страсти. Они напряжены, как тетива, в них биение сердца поэта сливается с ритмами времени, а взгляд, словно лазерный луч, взрезает глубинные пласты жизни.

Расул ГАМЗАТОВ

Каспий, древний Хазар, то буйный и грозный, то ласково-нежный, всегда бушует, плещется, искрится в поэзии Наби Хазри, соленая, терпкая свежесть дыхания моря в его стихах, от моря и поэтическое имя — Хазри, северный каспийский ветер.

ГЛУБОКА, нерасторжима связь творчества Наби Хазри с азербайджанской поэтической классикой. Журавлиный клин прилетел в его стихи из пронзительно прекрасных стихов Видади. Это переключка поэтов разных эпох, журавлиные клики поэзии.

У Наби Хазри нет стихов, не связанных с Азербайджаном. О чем бы он ни писал, всегда за строками — родная земля-опора, Родина в широком смысле этого понятия для каждого из нас. Так же искренно и нежно, как о родной республике, он говорит об Узбекистане и Украине, Сибири и Москве. Потому и вышла далеко за национальные границы его поэзия, и Государственная премия СССР, присужденная ему в 1973 году, — тому подтверждение.

За последние годы успехи Азербайджана впечатляют, радуют, поражают. И в этой атмосфере высокого трудового и нравственного накала определяющим стал новый тип труженика, для которого самоотдача в работе — осознанная необходимость.

Много лет назад Наби Хазри писал: «Я прославляю этот труд красивый, что делает красивыми людей...», выразив основную черту нашего времени — самоотверженный труд сформировал гармоничную личность — человека эпохи зрелого социализма. В Азербайджане я видел таких людей на морских нефтепромыслах и у мартенов Сумганга, на хлопковых равнинах Мугани и в цветущей Ленкорани, в похожих на космические лаборатории цехах Бакинского завода кондиционеров... Этим людям посвящена его поэма «Убежденность», вызвавшая широкий поток читательских откликов, в которых особенно

подчеркивалась идейность произведения, поднимающего важные морально-этические проблемы, обращенного к современникам. Мне эта поэма близка тем, что в ней явственно слышны интонации многонациональной советской поэзии — Маяковского, Самеда Вургуну. Эпоха наша со всеми ее свершениями и проблемами показана через судьбы и дела людей. До символического обобщения вырастают образы азербайджанских колхозниц — безвременно погибшей Севиль Казиевой и ее младшей современницы Тарлан Мусаевой.

Поэт показывает, как зреет в них внутренняя готовность к трудовому подвигу, который становится нормой жизни. То, что за образами героинь произведения стоят их реальные прототипы, в большой степени определяет эпический настрой поэмы.

Торжественная тональность поэтического гимна созиданию, бессмертию трудового подвига сменяется гневными строками, клеймющими тех, кто пытается мешать нашему движению вперед, — приспособленцев, равнодушных:

Затем и в мир
приходит человек —
Творить добро,
Ее ожидая платы.
Но если совесть он
предаст — вовек
Ему нет
Ни прощенья,
Ни пощады.

Проникновенно звучит в финале произведения клятва поэта, в ней — убежденность в высокой справедливости и непобедимости ленинских идеалов, в грядущих свершениях народа:

Веди меня,
как высшая присяга,
Дорогой славы, —
Партия моя!
Мой путь под сенью
Солнечного стяга,
И мудрость,
И дерзавья,
И отвага
Моей державы —
Партия моя!

Сочетание гражданского пафоса, лирики, высокой романтики, поэтическая трактовка сложнейших общечеловеческих понятий — памяти, бессмертия, ответственности человека перед временем и народом — придают произведению философскую глубину. Бессмертие

человека — в его делах, в вечном живой памяти о нем — в этом убеждает читателя поэма Наби Хазри, ставшая ярким явлением современной азербайджанской поэзии.

ДЛЯ МЕНЯ лично встречи со стихами азербайджанского собрата не только свидания с давним верным другом, но и всегда открытие, откровение, ибо каждый раз нахожу в них что-то новое и как нельзя более созвучное моему душевному настрою. Так было и во время моей поездки по Сирии, посещения древнего города Халеба, где покоится великий азербайджанский поэт Насими, гуманист и тираноборец, чей мятежный клич «Бог — это человек!» звучит и сегодня, спустя шесть столетий после его гибели. Там я особенно остро ощутил, что Насими близок мне, и это чувство подарила вошедшая в книгу «Признания веку» поэма Наби Хазри «Встреча в Халебе» — мысленный диалог современного поэта с его бессмертным предшественником, глубокие раздумья о связи поэзии и времени, месте поэта в жизни:

Не может быть поэта
без народа!
Его рождает время и земля,
Он не вестится в
собственное «я»,
Лишь с миром связь —
залог его успеха.
Нет вена без стихов,
стихов без вена,
Живущий не для века своего
Не остается
в памяти его.

В «Признаниях веку» меня особенно привлекла поэма «Сестра». Образ женщины, потерявшей в войну любимого, не изменившей его памяти, поднимается до эпических высот, становится поэтическим воплощением ожидания, надежды.

Тема мира и войны — контрапункт поэмы, она все громче звучит в стихах Наби Хазри, переведенных на многие языки. Это — международное признание, и оно закономерно, ибо то, что поэт пишет о мире, о борьбе за него, об утверждении гуманизма, — близко и понятно людям разных стран.

...Не однажды наблюдал я за работой кубачинских мастеров, наносящих чеканный орнамент на серебряный кубок. Каждый новый узор придает завершенность, выявляет красоту материала, талант и вкус мастера. Так и в творчестве — Наби Хазри за последние годы раскрывался как прозаик, драматург, и новые эти грани еще ярче высвечивают его поэтический дар. Ибо во всех вещах его всегда зримо присутствует поэзия, как в опубликованной недавно «Дружбой народов» поэме в прозе «Пьедестал без памятника» — светлом реквиеме по великому азербайджанскому поэту Мирзе Шафи Вахеху.

Читая книги Наби Хазри, вслушиваясь в музыку стихов, проникнутых страстной гражданской убежденностью, я признаюсь в любви к поэту. Произведения его выдвинуты на соискание Ленинской премии, и они достойны этого, ибо поэзия Наби Хазри рождена нашей эпохой, выражает стремления, думы, чаяния современников.